

На правах рукописи

Белослудцев Олег Станиславович

**КОНСТИТУЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ДОКТРИНЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА И ПРАКТИКЕ ОРГАНОВ
КОНСТИТУЦИОННОЙ ЮСТИЦИИ**

Специальность. 12.00.02 – Конституционное право; конституционный
судебный процесс; муниципальное право

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени
кандидата юридических наук

Казань – 2022

Работа выполнена на кафедре государственного и административного права юридического факультета ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва».

Научный руководитель: Малый Александр Федорович,
доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права «Казанского (Приволжского) федерального университета»

Официальные оппоненты: Комкова Галина Николаевна,
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Романовский Георгий Борисович,
доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

Ведущая организация: ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Защита состоится 25 мая 2022 года в 15 часов 00 минут на заседании диссертационного совета КФУ.12.01 ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, ауд. 335.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35.

Сведения о защите, автореферат и диссертация размещены на официальных сайтах ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (<https://vak.minobrnauki.gov.ru>) и ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (<http://kpfu.ru>).

Автореферат разослан «__» _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор юридических наук

Г.Р. Хабибуллина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Поправки к Конституции РФ, принятые в 2020 году, существенно дополнили положения, касающиеся возможности исполнения на территории России решений надгосударственных органов. Подобному нововведению предшествовала широкая дискуссия относительно согласования практики Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека. В центре дискуссии вопрос об исторической самоидентификации России как конституционного государства (конституционной идентичности), его способности самостоятельно определять и защищать основы национального публичного правопорядка.

Принятие поправок 2020 актуализировало вопросы конституционной идентичности не только в части выработки единых доктринальных подходов к понятию и сущности конституционной идентичности, её генезису и соотношению с другими конституционно-правовыми категориями, но и в части решения практического вопроса о «пределах уступчивости» (о контроле идентичности).

Об актуальности работы по концептуализации конституционной идентичности говорят государственные деятели и ученые. Например, В. Д. Зорькин в статье «Буква и дух Конституции» указывает, что существует явная тенденция «к осмыслению и отстаиванию своей конституционно-правовой идентичности», обусловленная рядом «политико-правовых трендов, глобализацией». Председатель Конституционного Суда РФ отмечает, что «на уровне органов государственной власти это проявляется в стремлении предотвратить размывание национально-государственного суверенитета и утвердить конституционно-правовую идентичность государства»¹. При этом он

¹ Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018, 9 октября..

акцентирует внимание на том, что над доктриной конституционной идентичности «всем нам еще предстоит много работать»².

Исследованию и теоретическому осмыслению концепта конституционной идентичности посвящены представительные научные конференции различного уровня. Так, в рамках IX Петербургского международного юридического форума прошла международная конференция КС РФ «Конституционная идентичность и универсальные ценности: искусство соразмерности». В мероприятии приняли участие более 120 руководителей и судей конституционных судов и судебных органов более чем 40 стран. Только за 2021 г. прошло несколько крупнейших научных мероприятий с участием ведущих конституционалистов со всего мира.

Таким образом, проблема конституционной идентичности, включая соотношение этой доктрины с национальными традициями отдельных государств и регионов, а также формулирование научно-обоснованных предложений для правоприменительной практики является одной из наиболее актуальных задач для науки конституционного права.

Актуальность настоящей работы обусловлена:

- во-первых, рядом предпосылок теоретического характера, а именно недостаточно исследованной как теоретической, так и правовой природы «конституционной идентичности», установлением соотношения конституционной идентичности с другими смежными понятиями, такими как, национальная идентичность, конституционное ядро, конституционные традиции и др.

- во-вторых, рядом практических обстоятельств, а именно объективной потребностью органов конституционного правосудия в поиске адекватных защитных механизмов конституционной идентичности, с помощью которых можно было бы установить реалистичные границы для «пределов уступчивости».

Степень разработанности темы.

² Там же.

В отечественной науке концепция конституционной идентичности представлена в работах В. Д. Зорькина, Г. А. Гаджиева, Н. С. Бондаря, П. Д. Блохина, Д. А. Подольна, С. А. Грачёвой, Т. А. Васильевой, Н. В. Варламовой, А. С. Исполинова, Е. А. Лукьяновой, М. А. Филатовой, Е. С. Аничкина, Т. И. Ряховской, К. В. Карпенко и др.

Наиболее значимыми работами по данной тематике являются труды Г. А. Гаджиева «Конституционная идентичность и права человека в России», В. Д. Зорькина «Конституционная идентичность России: доктрина и практика», К. В. Арановского «Конституционная традиция в российской среде». Близким диссертационным исследованием стоит признать работу Е. И. Ключко «Конституционные ценности в доктрине конституционного права и практике органов конституционной юстиции (2018 г.), отдельные аспекты исследуемой тематики нашли отражение в кандидатских диссертациях Р. М. Ерзина «Конституционные основы передачи полномочий Российской Федерации межгосударственному объединению» (2017 г.) и Т. З. Эбзеева «Конституционно-правовой механизм разрешения коллизий актов Европейского Суда по правам человека и Конституции Российской Федерации (доктрина Конституционного Суда России)» (2017 г.).

Значительный вклад в изучение конституционной идентичности внесли такие ученые как Т. А. Васильева, С. А. Грачёва, А. С. Исполинов, П. Д. Блохин. Однако в работах отечественных авторов крайне редко встречаются описания непозитивистских трактовок конституционной идентичности, обобщения теоретико-правовых работ Г. Дж. Якобсона, М. Розенфельд и др. Также, недостаточно внимания уделяется факторам конструирования конституционной идентичности. Конституционная идентичность в работах отечественных авторов рассматривается преимущественно как судебная доктрина. Большинство авторов (за исключением Т. А. Васильевой), сосредоточившись на устоявшихся судебных доктринах Германии и Италии, уделяют мало внимания другим судебным доктринам.

В зарубежной науке концепт «конституционной идентичности» является устоявшимся в доктрине и в практике. Тематика варьируется от разбора конкретных национальных судебных доктрин («*identity control*», «доктрина контрлимитов», «доктрина материального ядра» и др.), до более обобщенных, концептуальных работ, посвященных анализу факторов внеправового характера, различных нематериальных компонентов идентичности. Такой подход, например, используется в работах Г. Дж. Якобсона, М. Розенфельда, М. Ташнета, Р. Хиршля и др.

Цель диссертационного исследования состоит в формировании целостного научного представления о понятии, содержании и роли конституционной идентичности как конституционно-правовой категории в доктрине и правоприменительной практике зарубежных и российских органов конституционной юстиции.

Для достижения цели исследования были определены следующие **задачи**:

- выявить основополагающие теоретические и методологические подходы к определению и генезису конституционной идентичности;
- установить наличие близких по значению терминов, предложить авторский вариант отграничения конституционной идентичности от смежных понятий;
- раскрыть связь конституционной идентичности и национальной культуры с помощью учета таких индивидуальных начал (факторов) как религия, политика, история;
- определить основные различия и сходства судебных доктрин конституционной идентичности в странах-членах Совета Европы и выработать подход к их классификации по типам (моделям);
- проанализировать основные тенденции в практике международных органов правосудия в контексте их влияния на концептуализацию конституционной идентичности в национальных юрисдикциях;
- выявить основные предпосылки формирования российской доктрины конституционной идентичности;

– раскрыть существенные черты российской модели конституционной идентичности;

– определить содержание российской конституционной идентичности и выработать оригинальное определение российской конституционной идентичности, отвечающее критерию своеобразия и непосредственно связанное с национальной идентичностью Российского государства.

Объект диссертационного исследования составляют конституционно-правовые отношения, складывающиеся в сфере формирования коллизий между нормами конституционного правопорядка и актами международных органов правосудия.

Предметом диссертационного исследования являются нормы Конституции Российской Федерации и конституций зарубежных стран, а также конституционная судебная правоприменительная практика, в рамках которой органами конституционного правосудия применяется доктрина конституционной идентичности в целях разрешения правовых коллизий.

Методологическая основа исследования. Для достижения цели исследования были использованы общенаучные и частно-научные методы познания.

Основу исследования составляет диалектический метод познания, позволяющий изучать правовые явления в их взаимосвязи и развитии, в данном случае это сложный феномен конституционной идентичности, его взаимосвязи с другими (близкими) конституционно-правовыми категориями. Исторический метод позволил проследить истоки и основные тенденции развития концепции конституционной идентичности в конституционной доктрине и практике; сравнительно-правовой метод использован для иллюстрации схожести проблем, с которыми сталкиваются в России и зарубежных странах органы конституционной юстиции, а также для выявления сходств и различий в подходах к концептуализации конституционной идентичности в доктрине и практике органов конституционной юстиции в России и зарубежных странах; формально-юридический метод применен при анализе нормативно-правовой

основы деятельности Конституционного Суда РФ и органов конституционной юстиции зарубежных стран; метод анализа и систематизации судебной практики составил основу для выявления моделей (типов) конституционной идентичности в практике органов конституционного правосудия.

Теоретическую основу исследования составили труды известных российских и зарубежных ученых в области конституционного права и конституционной юстиции.

Среди отечественных авторов, труды которых послужили теоретической основой исследования, следует отметить работы К. В. Арановского, П. Д. Блохина, Н. В. Варламовой, Т. А. Васильевой, Г. А. Гаджиева, С. А. Грачёвой, В. Д. Зорькина, К. В. Карпенко, Е. А. Лукьяновой, А.Ф. Малого, С.П. Маврина, П. А. Подоляна и др.

В основу исследования также положены разработки зарубежных ученых, среди которых: Дж. А. Ф. Амаикема, Л. Ф. М. Бесселинк, Дж. Бомхофф, Т. Дриночи, Э. Клоутс, А. Нуссбергер, М. Розенфельд, А. Стоун Свит, М. Ташнет, К. Уиттингтон, М. Хартвиг, Р. Хиршль, А. Шайо, Г. Дж. Якобсон, и др.

Нормативной основой настоящего исследования послужили Конституция Российской Федерации и конституции ряда зарубежных стран, в частности, Германии, Италии, Франции, Венгрии, Польши, Чехии, Словакии и ряда других стран; Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»; Федеральный конституционный закон от 4 июня 2014 г. N 9-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»»; Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде РФ»»; Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде РФ»»; федеральные законы.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составили решения Конституционного Суда Российской Федерации и органов конституционного контроля зарубежных стран (Германии, Италии, Франции, Венгрии, Польши, Чехии, Словакии и др.).

Научная новизна исследования определяется тем, что в нём выработано комплексное и системное представление о конституционной идентичности как конституционно-правовой категории. В рамках данного представления разработан авторский подход к определению «конституционной идентичности» и её отграничению от смежных понятий, а также предпринята самостоятельная попытка раскрыть содержание и генезис данного явления, определить его теоретико-правовую природу.

На основе сравнительного анализа судебных доктрин таких стран как Германия, Италия, Франция, Венгрия, Польша, Чехия и Словакия разработан авторский подход к классификации судебных доктрин конституционной идентичности по типам (моделям), основанный на анализе их характерных особенностей. В работе делается вывод о том, что в практике конституционного правосудия сложилось несколько отличных друг от друга моделей и способов толкования конституционной идентичности. Характерные особенности этих моделей влияют на взаимодействие национальных органов конституционного правосудия и международных судов (в части «конфронтационного» потенциала той или иной модели).

В работе дана авторская оценка предпосылок формирования российской доктрины конституционной идентичности, предложен оригинальный взгляд на характерные особенности отечественной модели конституционной идентичности, а также сформулировано и обосновано авторское определение российской конституционной идентичности, отвечающее критерию своеобразия и непосредственно связанное с национальной идентичностью Российского государства.

Научная новизна диссертационного исследования нашла отражение в **положениях, выносимых на защиту.**

1. Конституционная идентичность должна отражать своеобразие конституционного правопорядка, иначе данный концепт теряет всякий практический смысл, возникают обоснованные сомнения в операциональности этой категории. Концепт конституционной идентичности должен строиться на основе своеобразия того или иного конституционного правопорядка и отражать национальную специфику.

2. Использование близких по значению терминов («национальная идентичность», «идентичность конституции», «конституционное ядро», «материальное ядро конституции», «конституционные традиции») возможно в различных правовых конструкциях при следующих условиях:

- если концептуализация строится на обособлении материального компонента конституционной идентичности (конституционная и национальная идентичность – это не одно и то же), то следует использовать «строгий» термин «идентичность конституции» (или «конституционное ядро»).

- если исследователь наряду с материальным компонентом конституционной идентичности учитывает влияние факторов, связанных с национальной идентичностью (между конституционной и национальной идентичностью существует тесная связь), следует использовать термин «конституционная идентичность»;

- если концептуализируются преимущественно нематериальные факторы внеправового характера (связанные с национальной идентичностью), следует использовать термин «конституционные традиции».

3. Понимание роли факторов конструирования конституционной идентичности, их вклада в конституционную идентичность является необходимой аналитической основой для концептуализации конституционной идентичности. Своеобразие конституционной идентичности определяется уникальным для каждого национального правопорядка сочетанием факторов, конструирующих ее. Таким образом, уникальность российской идентичности, как и индийской, немецкой или американской, всегда будет обусловлена национальными обстоятельствами: историческими условиями, политическими

устремлениями и другими, присущими каждой культуре специфическими факторами.

4. Концепция конституционной идентичности «открывается» в той или иной судебной доктрине, как правило, в результате конфликта юрисдикций (национальной и международной; национальной и европейской). Можно констатировать, что попытка увеличения «радиуса» действия права ЕС (равно как и права Конвенции), стремление международных судов максимально расширить свои полномочия за счет национальных органов конституционного правосудия неизбежно приводят к конфликту юрисдикций. В настоящее время просматривается явная тенденция «конституционализации» права Конвенции, выражающаяся в наделении его рядом наднациональных характеристик. Всё это дает основания для восприятия многих его решений национальными конституционными судами как актов *ultra vires*, особенно, в тех случаях, когда они затрагивают основополагающие конституционные нормы.

5. На основе анализа судебных доктрин таких стран как Германия, Италия, Франция, Венгрия, Польша, Чехия и Словакия сделан вывод о том, что различия в подходах к концептуализации конституционной идентичности довольно существенны и позволяют говорить о разных моделях конституционной идентичности. Так, если в Германии и Италии конституционная идентичность всегда основана на определенной части конституции, то в странах Вышеградской группы её источники существенно шире и не всегда связаны с материальной конституцией. Имеются существенные различия и в подходе к содержанию конституционной идентичности в странах-членах Совета Европы. Так, нормы и принципы, входящие в конституционную идентичность Германии и Италии, вряд ли можно отнести к специфичным, т.к. они явно тяготеют к «общеевропейским ценностям» и *jus commune europeum*. Конституционная идентичность в этих странах выступает дополнительной гарантией защиты универсальных (общеевропейских) прав человека, а не реальной преградой на пути унификации национальной идентичности. Напротив, модели конституционной

идентичности стран Вышеградской группы имеют в своей основе достаточно большое количество своеобразных черт, что делает их вполне специфичными. Отсюда вытекает их высокий «конфронтационный» потенциал по отношению, как к общеевропейским ценностям, так и к правовым позициям Страсбургского и Люксембургского судов.

6. Российский путь конституционного развития не является уникальным и вполне согласуется с общеевропейским направлением конституционного развития. Доказательством этому служит Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г., которое в части понимания конституционной идентичности имеет много сходного с трактовкой данного понятия в немецкой судебной доктрине и итальянской судебной доктрине. Вместе с тем, у российской модели конституционной идентичности имеются и специфические черты: тесная связь с суверенитетом и достаточно широкий подход российской доктрины к пределам проверки решений международных органов правосудия.

7. Расширение пределов проверки решений международных органов на весь текст Конституции не является недостатком российской модели. Напротив, это создаёт дополнительные возможности для концептуализации конституционной идентичности, т.к. рамки 1 и 2 глав Конституции оказались слишком тесными для национальной конституционной идентичности России и не вполне учитывали её специфику. Кроме неизменяемого «ядра» Конституции в содержание российской конституционной идентичности должны войти и изменяемые положения Конституции (гл. 3-8).

8. Конституционная идентичность Российского государства – это исторически сложившаяся самоидентификация России как государства, базирующаяся на тексте Конституции, отдельных нормах и принципах, которые среди конституционных положений отражают и конституируют специфику российского правового порядка.

9. Для идентификации конституционной идентичности среди прочих конституционных норм особое значение имеют те нормы, которые в наибольшей степени соответствуют критерию своеобразия и непосредственно

связаны с национальной идентичностью (например, статья 67, часть 2¹; статья 67¹; статья 68, части 1 и 4; статья 69, части 2 и 3; статья 75; статья 114, ч. 1, пункт «в»). Только с учётом положений, касающихся правового статуса человека, семьи и детей, отношения к истории России, организации публичной власти можно дать адекватное (содержательное) определение конституционной идентичности РФ.

Теоретическая и практическая значимость исследования. В работе сформулирован концепт содержательного наполнения понятия «конституционная идентичность», раскрывается его теоретико-правовая природа, генезис, а также устанавливается его соотношение с другими основополагающими категориями науки конституционного права. Выделены и обоснованы предпосылки, существенные черты, специфика содержания и методология выявления российской конституционной идентичности, дано авторское определение российской конституционной идентичности.

Результаты, полученные в ходе проведения диссертационного исследования, могут повлиять на понимание отдельных теоретических положений, в том числе на дискуссию по вопросам уже сформировавшейся доктринальной базы по теме исследования. Материалы работы могут быть использованы в учебном процессе, в ходе преподавания дисциплин «Конституционное право», «Конституционное правосудие», «Сравнительное конституционное право», «Актуальные проблемы конституционного права»; в научно-исследовательской деятельности при изучении проблематики конвенционно-конституционных коллизий, вопросов, связанных с конституционными трансформациями, отдельными аспектами конституционной аксиологии.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были предметом обсуждения на кафедре государственного и административного права национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева. Основные результаты диссертационного исследования были представлены на научно-практических конференциях, в

частности: XXIII науч.-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева; Всероссийской научной конференции «Конституция и конституционность: эволюция подходов и понятий», состоявшейся 30 октября 2020 г. в ИГП РАН.

По теме диссертации опубликованы 7 научных статей (в том числе 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК), а также раздел в коллективной монографии.

Структура диссертации обусловлена проблематикой и логикой научного исследования, а также целью и задачами, направленными на раскрытие темы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, степень ее научной разработанности, обозначаются цель, задачи, объект и предмет исследования, а также методологическая и теоретическая основы, нормативная база исследования. Формулируются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается научная новизна и практическая значимость исследования, формы апробации его основных результатов.

Первая глава «Конституционная идентичность: теоретические подходы (опыт концептуального анализа)» состоит из двух параграфов и посвящена доктринальному анализу феномена «конституционной идентичности». В ней последовательно рассматривается несколько вопросов: вопрос о дефиниции конституционной идентичности (проблемы понимания термина и его соотношение со смежными понятиями); вопрос о генезисе и природе конституционной идентичности.

В первом параграфе первой главы «Понятие и генезис конституционной идентичности» рассматривается проблема неоднозначности

термина идентичность, а также вопрос о его соотношении со смежными понятиями. Вопрос о соотношении подходов к конституционной идентичности, по мнению автора, имеет принципиальное значение для теории. Также, автор описывает основные подходы к генезису конституционной идентичности, включая как традиционные (позитивистские), так и альтернативные точки зрения на этот вопрос. Автор полагает, что отечественная наука конституционного и международного права чрезмерно сосредоточена на позитивистских интерпретациях конституционной идентичности. Альтернативные подходы к концептуализации конституционной идентичности остаются без должного внимания исследователей.

Во втором параграфе **первой главы «Факторы конструирования конституционной идентичности»** автор стремится продемонстрировать влияние на формирование конституционной идентичности ряда детерминированных культурой факторов (конструирующих конституционную идентичность). На основе обобщения теоретико-правовых работ Р. Хиршля, Г. Дж. Якобсона, М. Розенфельд, М. Ташнета предпринимается попытка выделения таких самостоятельных факторов как религия, политика, история и конституционная дисгармония. По мнению автора, уникальное сочетание этих факторов, присущих каждой культуре «местных» обстоятельств, определяет своеобразие любой конституционной идентичности.

Во второй главе **«Конституционная идентичность как судебная доктрина: сравнительно-правовой анализ»**, состоящей из трёх параграфов, подробно анализируются различия и сходства существующих типов концептуализации конституционной идентичности на примере судебных доктрин таких стран как Германия, Италия, Франция, Венгрия, Польша, Чехия и Словакия. Также рассматривается соотношение *identity control* с другими судебными доктринами (доктрина «*ultra vires*», доктрина «пределов усмотрения» и др.).

В первом параграфе второй главы **«Конституционная идентичность в практике органов конституционной юстиции стран-членов Совета**

Европы» рассматривается вопрос неоднозначности понимания концепции конституционной идентичности в различных судебных доктринах. На основе сравнительно-правового анализа судебных доктрин таких стран как Германия, Италия, Франция, Венгрия, Польша, Чехия и Словакия делается вывод о том, что различия в подходах к концептуализации конституционной идентичности довольно существенны и позволяют говорить о разных моделях конституционной идентичности.

Так, если в Германии и Италии конституционная идентичность всегда основана на определенной части конституции, то в странах Вышеградской группы её источники существенно шире и не всегда связаны с материальной конституцией.

Указанные различия подходов к дефиниции приводят к существенному несходству и в методологии идентификации конкретных норм и принципов, входящих в конституционную идентичность. Только на основе строгой дефиниции конституционной идентичности можно создать конкретный перечень норм и принципов, входящих в конституционную идентичность. Так, в деле «*Lissabon Urteil*» Конституционный суд Германии устанавливает чёткие границы для конституционной идентичности.

В странах Вышеградской группы доминирует другой подход к методологии идентификации - *ad hoc* идентификация. Отказ от строгой дефиниции в данном случае приводит к констатации невозможности создания конкретного перечня норм и принципов, входящих в конституционную идентичность. Такой подход к методологии идентификации позволяет трактовать ее в более широких пределах. При этом интерпретация конституционной идентичности в конкретном решении может быть основана помимо текста конституции и на других источниках (например, на «исторической конституции» или «национальной идентичности», «традициях и культуре»).

По мнению автора, наиболее принципиальное различие этих двух моделей конституционной идентичности связано с самим содержанием данного

концепта. Конституционная идентичность в Германии и Италии выступает скорее дополнительной гарантией защиты универсальных (общеевропейских) прав человека, а не реальной преградой на пути унификации национальной идентичности. Тип конституционной идентичности стран Вышеградской группы имеет в своей основе достаточно большое количество своеобразных черт, что делает его вполне специфичным и одновременно более «конфронтационным».

Во втором параграфе второй главы «Смежные доктрины: доктрина «*ultra vires*», доктрина «пределов усмотрения» и др.» анализируется вопрос соотношения *identity control* с другими судебными доктринами.

В рамках подхода ФКС Германии контроль «*ultra vires*» и контроль идентичности действуют как два дополняющих друг друга инструмента. Это прямо вытекает из анализа актуальной судебной доктрины. Так, например, в решении от 14 января 2014 г. (2 BvR 1390/12) оба вида контроля (контроль идентичности и контроль «*ultra vires*») используются Судом. Из чего можно сделать вывод о том, что при оценке рисков, связанных с конституционными изменениями, ФКС Германии использует несколько видов контроля: контроль идентичности и контроль «*ultra vires*», причем эти виды контроля работают во взаимосвязи друг с другом.

Контроль «*ultra vires*» решает проблему наделения наднациональных организаций или их органов сверхполномочиями, не предусмотренными их мандатом. ФКС Германии в категоричной форме указывает на то, что учреждения и органы Сообщества при толковании норм, касающихся их полномочий, должны действовать добросовестно, оставаясь «в пределах» своих полномочий.

Доктрина «пределов усмотрения», также как и доктрина «контрлимитов» («*identity control*»), базируется на аксиологическом приоритете Конституции над правом Конвенции. Ключевым вопросом в доктрине «пределов усмотрения», по мнению автора, являются критерии исполнимости, которые вводит Конституционный Суд Италии, «соответствие консолидированной

судебной практике». Итальянский орган конституционного правосудия указывает, что только за устоявшейся прецедентной практикой, последовательно применяющейся Палатой Европейского Суда, можно признать эффект *erga omnes*, т.е. сила решений ЕСПЧ может быть различной.

По мнению автора, в немецкой и итальянской судебных доктринах существует достаточно гибкая и при этом целостная система для оценки исполнения международных обязательств. Анализ смежных доктрин, безусловно, будет полезен для отечественной науки конституционного права; помимо контроля идентичности, существуют и другие эффективные средства «сопротивления» активизму международных судов, которые можно использовать для рецепции.

Третий параграф второй главы «Конституционная идентичность в контексте активизма международных органов правосудия» посвящен трансформации модели взаимодействия международных и национальных органов конституционной юстиции. По мнению автора, актуализация проблемы защиты национальной конституционной идентичности связана не только с утверждением верховенства права Европейского союза, но и с «конституционализацией» права Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и постепенным приданием Европейскому суду по правам человека полномочий наднационального характера. Эта «экспансия» идет как на концептуальном уровне – идеи многоуровневого конституционализма, общеевропейского права (*jus commune europeum*), формирующегося на базе Конвенции, «суда договора о модели общества», так и на уровне практики – признание приоритета Конвенции по отношению к положениям национальных конституций, последовательный отход от субсидиарной модели взаимодействия Европейского суда и государств – участников Конвенции.

Совет Европы поддерживает, а Европейский суд фактически практикует превращение Конвенции в «конституционный инструмент» унификации основных прав человека в государствах – членах Совета Европы. Такая

унификация была бы невозможна без распространения обязательной силы Конвенции на весь национальный правовой порядок без исключения. Принципиальное значение в связи с этим имеет признание приоритета права Конвенции по отношению к конституционным положениям и национальным интересам государств-участников. Расширение сферы действия Конвенции и распространение ее на положения национальных конституций является устойчивой тенденцией в практике Европейского суда, что свидетельствует о приобретении Судом наднациональных черт. Эта тенденция прослеживается в целом ряде решений Европейского суда.

Все это приводит к подмене текста Конвенции практикой Европейского суда, посредством которой обосновываются его новые сверхполномочия. Вместо четких положений Конвенции, мы получаем непредсказуемые и противоречивые (неконсолидированные) правовые позиции Суда, претендующего на «право последнего слова» в диалоге с национальными юрисдикциями. По мнению автора, это дает основания для восприятия многих его решений национальными конституционными судами как актов *ultra vires*, особенно когда они затрагивают основополагающие конституционные нормы.

Третья глава диссертации «Конституционная идентичность: российский опыт конституционного развития доктрины» раскрывает предпосылки формирования доктрины конституционной идентичности в России и опыт её развития в контексте соответствующих изменений законодательства и судебной практики.

В первом параграфе третьей главы «Предпосылки формирования доктрины конституционной идентичности в России» исследуются причины отхода от прежней практики «диалога» между двумя уровнями юрисдикции. Одной из главных предпосылок формирования доктрины конституционной идентичности в России стал юрисдикционный конфликт ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ. По нашему мнению, данный конфликт был связан с «правом последнего слова», которое отстаивал Страсбургский суд (в особенности, в деле «Анчугова и Гладкова»). Эта позиция ярко и не

двусмысленно продемонстрировала отход от прежней практики «диалога» между двумя уровнями юрисдикции. По мысли Страсбургского суда, их должны сменить отношения субординации, с соответствующим приматом права Конвенции и основанных на нём решений международного органа правосудия. Отказ от исполнения обязательств, вытекающих из «права договоров», не мог оправдать *no legal argument at national law, including constitutional law* (англ. никакой юридический аргумент в национальном законодательстве, включая конституционное право).

Развитие данной тенденции, по мнению автора, привело к тому, что на современном этапе ЕСПЧ фактически отказался от приверженности принципу субсидиарности, наделив себя «сверхполномочиями». Все это стало поводом для трактовки многих решений ЕСПЧ национальными органами конституционного правосудия как актов «*ultra vires*». Также необходимо отметить, что сходные юрисдикционные конфликты со Страсбургом возникали не только у России, но и у других государств-членов Совета Европы. Распространение абсолютного примата «права договоров» на конституционные положения в очередной раз стало *casus belli*. Как и в случае с аналогичным «активизмом» Люксембургского суда, эта позиция не могла не вызвать ответной реакции национальной юстиции. У Конституционного Суда РФ появилась выраженная потребность в создании особой области правовой регуляции, которая обладала бы «иммунитетом» в отношении решений органов международного правосудия – конституционной идентичности.

Во втором параграфе третьей главы «Становление и специфика содержания российской конституционной идентичности» исследуются особенности становления и основные черты российской конституционной идентичности.

Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 года и последовавшие за ним изменения в законодательстве (реформа ФКЗ о КС от 2 июня 2014 г.), по сути, не решили задачу установления четких границ взаимодействия двух юрисдикций. Этот запрос воплощается в Постановлении

Конституционного Суда от 14 июля 2015 г. Данное решение, по сути, фиксирует новые границы взаимодействия двух юрисдикций, создается область правовой регуляции, которая обладала бы «иммунитетом» в отношении решений органов международного правосудия, устанавливается контроль идентичности.

По нашему мнению, понимание идентичности, которое развивает российский орган конституционного правосудия в Постановлении от 14 июля 2015 г. имеет много сходного с трактовкой конституционной идентичности в немецкой и итальянской судебных доктринах. Близость подходов прослеживается, в первую очередь, в понимании «конституционной идентичности». Также можно отметить параллели с доктриной «*ultra vires*»; соображения КС РФ в решении от 14 июля 2015 г. напоминают аргументацию ФКС в части трактовки решений международных органов, «выходящих за пределы полномочий» (*ultra vires*).

Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. имеет особое значение, оно фактически является отправной точкой в развитии отечественной доктрины конституционной идентичности. Однако необходимо отметить, что дальнейшее её развитие было связано с изменениями в законодательстве (Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ и «последняя» редакция от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ), а также с внесением поправок в Конституцию РФ.

По мнению автора, законодатель, существенно расширив пределы проверки решений межгосударственного органа правосудия, получил больше возможностей для блокирования «активизма» международных органов правосудия. Значение формулировок «новой» редакции ФКЗоКС (ред. от 09.11.2020) раскрывается во взаимосвязи с конституционными поправками, внесенными в текст Конституции РФ в 2020 году. Многие базовые принципы государственного и общественного устройства были включены в главы Конституции, лежащие за пределами «ядра» (1 и 2 глав). Законодатель, будучи ограничен в возможностях внесения поправок в гл. 1 и 2, был вынужден их

поместить в гл. 3-8. Этим, по мнению автора, объясняется расширение контроля идентичности на весь текст Конституции в целом.

Автор полагает, что кроме неизменяемого «ядра» Конституции в содержание российской конституционной идентичности должны войти и изменяемые положения Конституции (гл. 3-8), т.к. они формируют идентичность Российского государства. В первую очередь, это относится к принципам и нормам, касающимся правового статуса человека, семьи и детей, отношения к истории России, организации публичной власти и т.д.

Также необходимо отметить, что для идентификации конституционной идентичности среди конституционных норм особое значение имеют те нормы, которые в наибольшей степени соответствуют критерию своеобразия и непосредственно связаны с национальной идентичностью (например, статья 67, часть 2¹; статья 67¹; статья 68, части 1 и 4; статья 69, части 2 и 3; статья 75; статья 114, ч. 1, пункт «в»). Только с учётом этих положений можно дать содержательное (а не формальное) определение конституционной идентичности. На это прямо указывает и Конституционный Суд РФ в своём Заключении от 16.03.2020 года.

В заключении обобщаются выводы автора, сделанные в отдельных параграфах соответствующих глав, подв одятся итоги всего исследования, а также формулируются теоретические выводы и положения.

**Основные положения диссертационного исследования отражены в
следующих публикациях автора:**

Монографии

1. Белослудцев О.С. Конституционализация права Европейской конвенции как угроза конституционной идентичности государств-участников // Конституция и права человека: современная доктрина и практика: монография //под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой. М.: ИГП РАН, 2021. С. 86-96.

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России:

1. Белослудцев О.С. Критерии исполнения решений ЕСПЧ: российский и зарубежный опыт // Социально-политические науки. 2019. №5. С. 83-88.

2. Белослудцев О.С. Конституционная идентичность как основа разрешения конвенционно-конституционных коллизий // Социально-политические науки. 2020. №2. С. 60-65.

3. Белослудцев О.С. Доктрина «контрлимитов» и доктрина «ultra vires» в контексте защиты национальной конституционной идентичности // Социально-политические науки. 2020. №6. С. 98-105.

4. Белослудцев О.С. Теоретико-правовая природа концепции конституционной идентичности // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 3 (142). С. 39-62.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

5. Белослудцев О.С. Правовые основы разрешения коллизий между Конституцией Российской Федерации и актами Европейского суда // Контентус. 2019. №8. С. 1-6.

6. Белослудцев О.С. Доктрина контрлимитов в контексте правовых позиций ФКС Германии (Görgülü и Solange I) //Огарев-online. 2019. №16. С. 2-8.

7. Белослудцев О.С. Позиция Совета Европы относительно новой редакции ФКЗоКС //Материалы XXIII научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. Ч. 3: Гуманитарные науки. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. С. 526-531.